

Эргастерий не обязательно ремесленное предприятие, это может быть и торговое поместье. Финли обращает внимание, что греческие авторы (Аристотель, Эсхин) при перечислении различных форм богатства не упоминают эргастерий (стр. 66 и стр. 256, прим. 81). По-видимому, это подразумевается, когда говорится о рабах или деньгах. Эти наблюдения Финли очень важны и требуют большей осторожности в выводах на основании текстов, где упоминаются эргастерии.

Надписи — *hoioi* позволили поднять ряд важных вопросов экономической жизни Афинского государства. Многие из этих вопросов, к сожалению, слишком плохо освещены в источниках, чтобы получить удовлетворительное разрешение.

Значение работ Файна и Финли в том, что они обобщили и систематизировали большой эпиграфический материал, сопоставили его с литературными источниками, привлекли внимание к ряду важнейших аспектов экономической истории древних Афин, в частности, связанных с отношениями гарантированного кредита. Оба автора свободны от модернизации античной экономики и постоянно подчеркивают ее специфику. Спорность ряда высказанных в рассматриваемых работах положений не умаляет их несомненной научной значимости.

Сосредоточив свое внимание на роли земельной собственности в кредитных отношениях, Файн и Финли, естественно, не могли рассмотреть аттическое землевладение во всей его многосторонности. Ряд важнейших проблем аграрной истории Атики, в частности вопрос об эволюции земельной собственности в V и IV вв., о ее размерах и значении в экономической жизни Афинского государства еще не получил должного освещения в свете всей совокупности известных сейчас источников и требует дальнейшего углубленного исследования.

Л. М. Глушкина

«*Historia Mundi. Ein Handbuch der Weltgeschichte in zehn Bänden*», IV. «*Römisches Weltreich und Christentum*», Bern, Francke Verlag, 1956, 611 стр.

Издаваемое под редакцией Ф. Вальвека (Мюнхен) и при участии Института европейской истории в Майнце десятитомное руководство по всемирной истории «*Historia Mundi*» представляет собой международное коллективное издание. По своему характеру оно больше всего походит на «Кембриджскую историю», хотя и значительно меньше ее по объему. С «Кембриджской историей» внешне его роднит популярный в общем и целом характер, отсутствие научного аппарата, большой авторский коллектив. Что касается внутреннего родства, то в этом отношении «*Historia Mundi*» не отличается принципиально от аналогичных буржуазных изданий: она страдает отсутствием какой-нибудь единой методологии, модернизацией и стилистическим разнообразием. Систематики в расположении материала в «*Historia Mundi*» меньше, чем в «Кембриджской истории». Печальной особенностью четвертого тома (я не берусь судить о других томах) является неравноценность в научном отношении отдельных частей: наряду с серьезными разделами (например, «Социально-экономическая история Рима» Гейхельгейма) мы находим такие слабые, антинаучные главы, как «История Иисуса» и «Первоначальная церковь» Штауфера.

Структура тома далека от совершенства. Так, главы, посвященные литературе, искусству и философии, предшествуют социально-экономической истории Рима, а глава о римском праве оторвана от них и помещена после социально-экономической истории. Общая характеристика эллинистических государств на Востоке и эллинистической Греции расположена после главы «Падение эллинистических государств». Бросается в глаза несоразмерность частей. Том называется «Римская мировая империя и христианство». Заглавие предполагает, что христианству будет уделено достаточно

места. Однако из 569 страниц текста христианству отведено только 96 страниц, бóльшая часть которых посвящена истории Иисуса.

Характерен односторонний отбор материала. Все демократические движения или обходятся полным молчанием, или им отводится несколько строчек. В синхронистической таблице нет ни слова о восстаниях рабов в Сицилии и Италии и о движении Сатурнина. В тексте книги Серторию уделено 13 строк, а восстанию Спартака — всего одна фраза (стр. 113).

Рассмотрим отдельные части рецензируемого тома.

Одной из самых больших по объему и наиболее серьезных по содержанию глав является «Социально-экономическая история Рима», принадлежащая перу известного специалиста по истории античного хозяйства Гейхельгейма. В ней собран большой и свежий материал. Гейхельгейма выгодно отличает от многих историков античного хозяйства то, что он не скрывает роли в Риме рабского труда (стр. 401, 407—408, 415, 423) и тяжелых форм эксплуатации рабов (стр. 423). Однако и у Гейхельгеймы находим ряд методологических пороков, свойственных буржуазной историографии, и, прежде всего, — модернизацию античных отношений. Рим изображается им как капиталистическое государство. На стр. 418—419 идет перечисление крупнейших римских «капиталистов» I в. до н. э. Итальянские имения этого периода были организованы, по мнению автора, на капиталистический лад.

Характерно также, что Гейхельгейм главное внимание обращает на денежный капитал, денежное обращение, торговлю, торговые пути, цены и другие явления, относящиеся к сфере обращения, а не производства. Этому последнему уделено относительно мало места и хотя, как указывалось выше, Гейхельгейм не умаляет роли в производстве рабского труда, однако, он далек от того, чтобы исследовать по-настоящему эту форму эксплуатации, равно как и другие ее формы, встречавшиеся в римском хозяйстве.

Насколько большое значение придает Гейхельгейм денежному обращению, показывает одно его замечание: «Разрушение валюты часто является достаточным для разрушения цивилизации» (стр. 431). Вместе с тем он чрезвычайно преувеличивает и модернизирует такой аппарат денежного обращения в Римской империи, как банки (стр. 441).

Положительной стороной этой главы является исследование колебания цен, которые Гейхельгейм старается проследить почти на всем протяжении римской истории. Особенно интересен огромный рост цен на хлеб, начавшийся между 140 и 137 гг. до н. э. и вызванный, как думает Гейхельгейм, большим числом следующих друг за другом неурожаев (стр. 412). В 138 г. цена на хлеб поднимается на 500% по сравнению со 140 г., а в 124 г. — до 1200%. Гейхельгейм думает, что именно эти резкие колебания цен на основной предмет питания широких народных масс и были причиной восстаний рабов и народных движений этого периода: «Многочисленные восстания рабов и пролетариев, — говорит он, — были следствием этих обстоятельств, которые подготовили и усилили волнения Гракхов в Риме... Только в 121/120 г., когда Г. Гракх не случайно потерял большинство, мы находим ясное падение цен» (стр. 412).

Таким образом, первый и, быть может, самый сильный взрыв гражданских войн в Риме, по мнению Гейхельгейма, был вызван таким, в сущности, случайным для политической истории Италии обстоятельством, как ряд неурожаев! В этом одностороннем объяснении проявляется примитивное понимание роли экономического фактора и не учитывается вся сложная совокупность взаимоотношений между экономикой и политикой.

Гейхельгейм считает, что правовое положение рабов в первые века империи настолько улучшилось, «что приблизительно с середины II в. после Р. Х. разница между свободным и рабом делается относительно ничтожной» (стр. 427). Последнее утверждение необосновано. Анализ юридических памятников убедительно показывает, что *de jure* положение рабов не только не улучшилось, а наоборот, в IV в. даже ухудшилось. Постановления о рабах Клавдия, Нерона, Адриана и Антонина Пия, которые обычно приводят для доказательства смягчения юридического положения рабов, касались

только крайних и уродливых проявлений власти рабовладельцев. Это была мера мозаичности рабовладельцев как класса от неразумных действий отдельных представителей класса. В целом же правовое положение рабов оставалось тем же самым: раб был и продолжал оставаться вещью: «С точки зрения гражданского права, — писал Ульпиан в начале III в., — рабы считаются ничем».

Гейхельгейм приукрашивает «процветание» Средиземноморского бассейна в период империи и всячески раздувает цивилизующую роль римлян. По его мнению, «неримский мир деревенской культуры Евразии и Африки под римским влиянием в большинстве стран достиг более высокого развития и настолько вырос в своем военном потенциале, что уже со времен Марка Аврелия начал угрожать Римской империи» (стр. 448). В орбиту влияния римской цивилизации Гейхельгейм включает сельское хозяйство даже таких стран и районов, как Индия, Китай, Сибирь, Центральная Африка.

Это, конечно, колоссальное преувеличение. Присутствие в отдаленных от Средиземноморья пунктах Африки и Евразии единичных римских изделий и монет еще не свидетельствует о регулярных экономических связях, а тем более о сколько-нибудь заметном влиянии греко-римской культуры на «варварскую» периферию, не говоря уже о влиянии ее на высокоразвитые общества Китая и Индии. Что же касается военного потенциала, то, конечно, непосредственные соседи Римской империи заимствовали у нее кое-что из военной техники. Но, с другой стороны, как известно, и Рим немало заимствовал у «варваров» в последние периоды своей истории. «Неримский мир деревенской культуры» начал грозить Римской империи не столько потому, что выросла его мощь, сколько потому, что упало, благодаря внутреннему кризису, военное могущество империи.

Перейдем к христианству. Выше уже указывалось на непропорциональность разделов, посвященных этому вопросу, по сравнению со всем томом, а также на внутреннее несоответствие между ними. Научный уровень глав о христианстве чрезвычайно низок. Даже не поставлен вопрос о предпосылках христианства. Ведь нельзя же считать постановкой вопроса одну фразу, горящую о единой империи, как предпосылке распространения христианства (стр. 128). Равным образом нельзя считать анализом идеологических предпосылок христианства несколько фраз о стоиках и гностиках в главе «Изменение греческого мышления», тем более, что там этот материал подан совсем не в плоскости предпосылок новой религии.

Это, конечно, не случайно. Для подавляющего большинства буржуазных исследователей раннего христианства вопроса об его исторических предпосылках вообще не существует. В лучшем случае представители так называемой «мифологической школы» изучали происхождение мифа о Христе, но они никогда не ставили по-настоящему вопроса даже об идеологических предпосылках христианства как религии, не говоря уже о предпосылках экономических и социально-политических. Тем менее могли серьезно заниматься проблемами генезиса христианства богословы и представители «исторической школы». Для них христианство — либо божественное откровение, для которого не нужно никаких исторических предпосылок, либо творение гениальной личности, стоящей, строго говоря, также вне времени и пространства.

На такой вневременной и внепространственной точке зрения на христианство стоит и коллектив авторов четвертого тома «*Historia Mundi*». Нужно подчеркнуть, что стоит весь коллектив, а не только авторы трех глав о христианстве, так как и редактор и авторы других разделов, конечно, несут солидарную ответственность за появление в научном и историческом произведении ненаучной исторической точки зрения.

В соответствующих главах полностью отсутствует какой бы то ни было анализ социально-политических условий Палестины и городов диаспоры, влияния на новую религию восточных и греко-римских идеологических течений и пр. Для Штауфера, автора глав «История Иисуса» и «Первоначальная церковь», чрезвычайно характерно такое заявление: «Иисус в свою эпоху стоял совершенно один среди своего народа. Он сражался с религией Торы. Но он закончил эту борьбу абсолютно одиноким, без

всякого союза с какой-нибудь духовной или политической силой античного мира» (стр. 308). Трудно подыскать более яркое выражение идеалистической концепции!

Земная биография Иисуса излагается чрезвычайно подробно: на нее отведено почти столько же места, сколько на самые большие главы тома: «Эпоха Римской империи» и «Социально-экономическая история Рима».

На основании каких источников и с помощью каких критических методов Штауфер пишет историю Иисуса? Источники — главным образом, четыре канонических евангелия, «Деяния апостолов» и некоторые послания, а также «Церковная история» Евсевия, «Апология» Тертуллиана, Плиний Младший, Иосиф Флавий, Тацит, Светоний, раввинская литература и литература ислама. «Метод» — отсутствие всякой исторической критики. Штауфер заранее составил себе воображаемую биографию Иисуса и каждый «факт» ее подкрепляет ссылкой на то или другое произведение новозаветной литературы. Те места источников, которые противоречат данному факту, игнорируются. Как правило, все бесчисленные несообразности и внутренние противоречия евангельского рассказа замалчиваются. Когда же Штауфер иногда пытается как-то примирить эти противоречия, он, естественно, оказывается беспомощным. Так происходит, когда он пытается согласовать хронологию синоптиков (полтора года деятельности Иисуса) с хронологией 4-го евангелия (около четырех лет) (стр. 130—132).

Для Штауфера как будто не существует двухсотлетнего периода евангельской критики, которая камня на камне не оставила от традиционной евангельской истории, и он с «наивностью» младенца верит каждому слову об Иисусе, которое он находит в своих «источниках». Указание Светония на волнения иудеев «по подстрекательству Христа» (Cl., 25) Штауфер безоговорочно принимает за свидетельство об Иисусе Христе (стр. 129). Так же безоговорочно он принимает на веру знаменитую 44-ю главу XV книги «Летописи» Тацита (стр. 129), породившую, как известно, огромную литературу. Он считает, что хотя раввинская традиция об Иисусе носит полемический характер, но именно поэтому историку необходимо ее привлечь. Автор бездоказательно утверждает, что «древнераввинские свидетельства об Иисусе по большей части независимы от евангелий. Некоторые из них восходят ко дням Иисуса и раннеапостольским временам» (стр. 129—130). Штауфер готов привлечь даже литературу ислама, забывая, что мусульманская традиция об Иисусе сложилась поздно, когда христианская мифология была уже подробно разработана.

Штауфер верит в чудеса, которые совершает Иисус. Он ссылается на то, что эти чудеса были констатированы не только христианами, но и людьми посторонними и даже врагами (источники — те же: евангелия и талмуд — стр. 137—138). Приходится только удивляться, каким образом в таком относительно серьезном издании, как «Historia Mundi», могут печататься столь явные нелепости!

Вторая статья Штауфера — «Первоначальная церковь» — стоит на таком же низком уровне, как и первая. В ней фигурируют почти те же источники и те же «критические» приемы исследования, граничащие с детской наивностью. Иногда Штауфер видит в источнике то, чего там не существует. Так, чтобы доказать, что апостол Иоанн зимой 95/96 г. был изгнан на о. Патмос, он ссылается на 15 гл. биографии Домициана у Светония (стр. 305). Но в этой главе говорится только о казни Флавия Клемента.

Третья статья по христианству — «Христиане в Римской мировой империи» — написана К. Шнейдером. Она лучше первых двух. Автор обнаруживает известное критическое чутье и осторожное отношение к христианским источникам. Это проявляется, например, в вопросе о гонениях. Шнейдер отбрасывает многие христианские легенды о мучениках, считая, что в ряде случаев источники фальсифицированы (стр. 319—322). Он делает попытку определить социальный состав христиан в I в.: «При переходе от I ко II веку христианство в Империи представляет приблизительно следующую картину: чувствуется еще происхождение общин из ремесленников, мелких граждан, вольноотпущенников и рабов, особенно в Риме... На западе в число христиан вступает все больше и больше солдат» (стр. 323). В общем правильно рисует Шнейдер развитие организационных форм христианских общин I—II вв. и возникновение монархического епископата, которое он датирует временем не раньше середины II в.

Автор справедливо отмечает, что все попытки отнести этот процесс к более раннему периоду основаны на легендах.

В заключение нужно остановиться еще на одном вопросе. Это — проблема падения Римской империи и античной культуры вообще. В IV томе нет раздела, специально посвященного этой теме, и отдельные замечания разбросаны по различным главам. При этом каждый автор выдвигает свою точку зрения. Так, для Гейхельгейма решающими факторами в падении античности были денежный кризис, с одной стороны (стр. 431, 432, 438, 442), и усиление варварской («деревенской») периферии, — с другой (стр. 429—430, 448). Для Эймара такой фактор — понижение рождаемости (стр. 71) и т. д. В наиболее общей форме пытается ставить вопрос редактор тома Ф. Вальевек в своем предисловии. Перечислив различные решения проблемы, которые давали историки, начиная с Гиббона, он говорит: «Факт тот, что не одна какая-нибудь причина, но целый ряд их привел к распаду Империи и ее культурных основ. Может быть, правильно выделить среди них то, что огромные рамки Римской империи ставили в эпохи кризиса такие задачи, которые выходили за пределы возможностей центрального правительства и которым не соответствовали условия сношений... К этому нужно прибавить очевидный упадок римско-италийской народности, на которую первоначально опиралась Империя» (стр. 9—10). Таким образом, за почти двухсотлетний период буржуазная наука в вопросе о падении античного мира не подвинулась ни на шаг вперед, вращаясь в заколдованном круге «множественности факторов».

Подведем некоторые итоги. «*Historia Mundi*» является последним словом буржуазной исторической науки в области больших сводных трудов. Это — труд коллективный, каким только и могут быть в наше время большие синтетические работы. Однако тот беглый разбор, которому мы подвергли четвертый том, с несомненностью говорит о снижении научного уровня обобщающих трудов буржуазных ученых по древней истории. И по объему и по расположению материала четвертый том, включающий в себя значительную часть античной истории, сильно уступает соответствующим разделам довоенных коллективных изданий: «Кембриджской истории», сериям Берра, Глотца и др. Что касается освещения фактов и общей методологии, то здесь мы либо не находим ничего нового, либо в некоторых вопросах, как, например, происхождение христианства, вынуждены констатировать шаг назад.

Проф. С. И. Ковалев

* * *

«*Historia Mundi*» была задумана как всемирная история в двойном смысле: как история всего человечества и как труд, в котором должны принять участие исследователи всех или во всяком случае большинства стран мира. Однако ни в том ни в другом смысле она не оправдывает своего названия и задач, поставленных ее основателем, покойным немецким историком Ф. Керном. Авторами «*Historia Mundi*» являются ученые стран Западной Европы, а сама история, во всяком случае в рецензируемом томе, в основном ограничена рамками Средиземноморского бассейна. Мы не найдем в нем истории независимых племен Северной Африки, Европы и Азии в период существования Римской империи. Романоцентризм характерен и для того материала, который содержится в IV томе. Главное внимание уделено Риму и Италии. История провинций и окраин римского мира занимает весьма незначительное место.

В томе 15 глав, довольно резко отличающихся друг от друга по своему научному уровню. Объем рецензии позволяет нам остановиться лишь на некоторых из них.

В эпоху империализма в буржуазной историографии Рима появляется тенденция защитить римскую политику от обвинения в агрессивности и милитаризме с явной целью маскировки агрессивных помыслов и практики современных империалистических кругов, считающих себя наследниками великодержавной политики Рима. В 20-х гг. появилась работа французского историка Оло, полагавшего, что в своей восточной политике в период III—II вв. до н. э. Рим руководствовался исключительно

любовью к грекам и стремлением защитить их свободу¹. Английский историк Скаллард ополчился на историков, определяющих римскую политику III—II вв. до н. э. как «агрессивный империализм»². Он утверждал, что аннексия чужих земель не являлась целью Рима, которым руководила идея «оборонительного империализма». Концепция автора первой главы — «Превращение Рима в мировую державу» — Пёшла мало чем отличается от взглядов Оло и Скалларда. Он и не ищет новых аргументов. Он просто применяет доводы Оло к западной политике Рима. Завоевания Рима на Западе он тоже объясняет стремлением Рима защитить греков от варваров. Автор забывает о том, что греки были таким же пришлым элементом в Западном Средиземноморье, как и карфагеняне, что они умели сами, когда это нужно, с достаточной решимостью защищать собственные интересы. Автор закрывает глаза на то, что результатом римской политики в Западном Средиземноморье было не освобождение греков, а их подчинение, что сами греки это понимали и оказывали Риму сопротивление. «Защита греков» со времен сицилийской экспедиции Алквиада стала избитым политическим лозунгом, которым охотно прикрывались агрессоры. Принимать эту маскировку за чистую монету может лишь человек, не сведущий в истории или поставивший перед собой цель ее фальсификации.

Проникновение Рима в район Адриатического моря рисуется автором как действие, направленное против экспансионистских устремлений иллирийцев, угрожавших грекам (стр. 18). Завоевание долины По, где не было греков, автор оправдывает необходимостью защиты Италии против кельтов, забывая о том, что несколькими строками выше он говорил о защите греков от италиков.

Рассматривая II Пуническую войну, автор делает курьезное заключение, что Рим достиг гегемонии не вследствие стремления своей правящей верхушки к завоеваниям, а в результате противодействия таким агрессорам, как карфагеняне, кельты, самниты(?) «Угроза извне вызвала противодействие, — утверждает автор, — а римская политика... была политикой защиты и обороны» (стр. 25).

Специальный раздел главы посвящен выходу Рима в восточную часть Средиземноморья. И здесь Пёшель считает освобождение Греции обусловленным не только политическими целями Рима, но и глубокими симпатиями к грекам и греческой культуре (стр. 29).

Несомненный интерес представляет глава «Мир и культура эллинизма» (автор А. Эймар, обработка Ф. Шнитцлера). Автору удалось показать политические и экономические условия жизни эллинистических государств. Свежий материал содержит раздел этой главы «Старая Родина». Здесь ярко, хотя и в несколько общей форме, дана картина упадка греческого полиса, обнищания населения и социальной борьбы. Автором широко использован материал папирологии и надписей.

С интересом читаются страницы, посвященные эллинистической культуре. Наиболее удался автору краткий очерк развития религии в период эллинизма (стр. 75—80).

Но и эта интересная глава не свободна от ряда недостатков, свойственных буржуазной науке. Один из них — модернизация. Так, например, автор вслед за Ростовцевым верхушку эллинистического общества именует «буржуазией» (стр. 67, 71). Описывая источники обогащения эллинистической «буржуазии», автор опускает такой источник, как эксплуатация рабского труда. Имеет место и переоценка значения личности Александра Македонского (стр. 53).

Глава «Римская история от Гракхов до Августа» (автор Ф. Эднок) представляет собой довольно беглое и поверхностное изложение событий последнего столетия Республики. Она содержит лишь факты политической истории. Восстаниям рабов в Сицилии и восстанию Спартака автор уделяет всего лишь несколько строк, которые показывают, что он не понял их значения (стр. 100, 113). Автор даже не называет имен

¹ M. H o l l e a u x, La politique romaine en Grèce et dans l'Orient Hellénistique au III siècle, P., 1926.

² H. S c u l l a r d, A history of the Roman World, 753—146, L., 1951.

Спартака и других руководителей движений рабов. Освещая события Союзнической войны 91—88 г.г., Эддок даже и не ставит вопроса о социальном составе восставших, что закрывает ему путь к пониманию характера борьбы, тактики римлян (стр. 105). Автор, в отличие от Пёшля, создавшего идиллическую картину греко-римской дружбы, справедливо указывает, что греки в провинциях ненавидели Рим и видели в Митридате Евпаторе защитника эллинизма. Такие противоречия в отдельных главах — очень частое явление, и составитель тома не считал нужным сглаживать их или оговаривать свое мнение. Эддок часто оперирует терминами «капиталисты», «революция», не считая нужным разъяснить, что он под ними понимает.

Более благоприятное впечатление производит глава «Римская империя» (автор А. Альфельди). Автор отказался от обычного способа изложения материала по отдельным императорам, выделив наиболее существенные проблемы истории Империи. Глубокое знание источников позволило автору хорошо изложить политическую и сословную структуру Империи, вопросы имперской администрации и городского самоуправления. Наибольший интерес представляет раздел «Армия — движущая сила внутреннего развития». Вместе с тем, хотя автор неоднократно говорит о положении рабов и низов населения, социальная история занимает в работе Альфельди второстепенное место. Почти совсем не останавливается автор на классовой борьбе в период Империи.

Для современной буржуазной историографии характерен не только полный отказ от радикального скептицизма в вопросах возникновения христианства, но и отречение даже от того умеренного рационализма, который, признавая Христа исторической личностью, пытался очистить евангельскую легенду от явных несообразностей и противоречий. Наиболее характерный пример трактовки истории христианства в современной историографии — глава Е. Штауфера «История Иисуса» (стр. 129—190). Предметом этой главы, как это уже видно по ее названию, является не христианство как религия, имеющая определенные социальные корни, возникшая в определенной общественной среде, испытывавшая влияния других религий и философских систем, а Иисус Христос, легендарный основатель христианства. Христос — это не только предмет изучения данной главы, но и центральная фигура всего тома. Ему уделено в десять раз больше места, чем Гракхам, Марию, Сулле, Цезарю и Августу вместе взятым. Католический историк игнорирует все достижения научной критики источников о личности Христа. Для него не существует вопроса о времени написания посланий апостола Павла и евангелий, так же как и проблем христианских интерполяций в произведениях языческих авторов. Сквозь зубы он вынужден сказать, что сообщение Иосифа Флавия об Иисусе, «к сожалению, обработано христианами и не может быть полностью реконструировано». Этот единственный пример критического отношения к источникам относится к произведению иудейского писателя. Что касается христианских источников, то автор не допускает даже возможности их критики.

От обзора источников Штауфер переходит к вопросам хронологии жизни Иисуса Христа. Как известно, в вопросах хронологии евангельская литература содержит вопиющие противоречия, свидетельствующие о неисторичности самой личности Христа. Штауфер, закрывая глаза на причины этих противоречий, выбирает из евангельских дат наиболее приемлемые. Датой рождения Христа он считает 7 г. до н. э. «С точностью» до месяца определяются и такие «исторические события» как крещение, очищение храма, арест Иоанна Крестителя и прочие. В разделе «К вопросу о происхождении и рождении Иисуса» Штауфер дает несколько рационалистическую трактовку пресловутому непорочному зачатию. «Иисус, — объясняет Штауфер, — был сыном Марии, что в смысле тогдашнего семейного права означает, что отец его был неизвестен». «Иосиф взял Марию в свой дом, усыновил по всем правилам ее сына и этим ввел его в дом Давида» (стр. 133). Автор трактует встречу Юпитера и Сатурна в знаках рыбы в 7 г. до н. э., предсказанную вавилонскими астрономами, как признак появления нового властителя, которому пришли поклониться волхвы с Востока. Даже самые фантастические сообщения о чудесах Иисуса признаются Штауфером исторической реальностью. Штауфер предлагает подойти к этим чудсам «с законными методами классической критики источников, которая обращается к древнейшим, непосредствен-

ным и непартийным свидетельствам источников» (стр. 137). Такими источниками он считает... евангелия и полемические упоминания об Иисусе в талмуде.

Осветив в подобном духе «предварительные вопросы» истории Христа, Штауфер переходит к самой истории. В хронологической последовательности он излагает жизнь и деятельность Христа, начиная с его присоединения к Иоанну Крестителю, основавшему общину в пустыне. О последней, как полагает Штауфер, говорят вновь найденные рукописи из района Мертвого моря. Между тем рукописи Мертвого моря не дают ничего нового о личности Иисуса Христа, что вынужден глухо признать и сам Штауфер.

Что же нового дает «история Христа» Штауфера? Ровным счетом ничего. Он излагает евангелия, не отступая от них ни на йоту. Историческим он признает и тайную вечерю, и пророческие слова Иисуса, и иудин поделуй. Арест Христа он изучает во всех деталях, как какую-либо военную операцию, придавая ему значение, о котором даже не помышляли авторы евангелий. Десяток страниц посвящен процессу над Иисусом Христом. Со смехотворной серьезностью разбирается вопрос об исчезновении тела Христа. Штауфер ставит его в связь с найденным в Палестине императорским декретом против разрушителей гробниц и похитителей трупов, забывая о том, что подобные декреты издавались неоднократно без всякой связи с «телом Христовым». Автор не сомневается и в воскрешении Иисуса Христа (стр. 189).

Как бы ни относились к писаниям Штауфера другие авторы тома, несомненно, его статья придает всему тому отпечаток косности и рутинности. Нашему читателю даже трудно поверить, что книга с такой статьей появилась в 1955, а не в 1255 году.

В целом, несмотря на отдельные интересные главы, рецензируемая книга свидетельствует о том, что в области разработки древней истории в годы после Второй мировой войны буржуазная историография не только не продвинулась вперед по сравнению с уровнем тридцатых годов, но даже сделала в некоторых вопросах значительный шаг назад.

А. И. Немировский

«*Historia. Zeitschrift für alte Geschichte*», I, 4 (1952) — V (1956), Baden-Baden, со II тома Wiesbaden, Fr. Steiner Verlag.

О целях и характере международного журнала «*Historia*» информировал читателей ВДИ П. Н. Тарков в рецензии на три первые номера первого тома¹. Редактируют журнал Г. Бенгтсон (Вюрцбург), К. Штрохекер (Тюбинген) и Г. Вальсер (Берн) с рядом сотрудников. Содержание журнала делится на несколько разделов: статьи, научные сообщения, рецензии, сообщения о журналах и мелкие заметки. Наш обзор составлен тематически.

Древний Восток. Г. Бруннер (Тюбинген) дает обзор новых исследований по истории Египта до его завоевания Александром (III, стр. 106—120). В работе отмечается, что был закончен большой словарь египетского языка (Германская академия, 1926—1953) и издан «*Reallexikon der ägyptischen Religionsge-*

¹ ВДИ, 1952, № 3, стр. 113—118. Четвертый номер первого тома вышел только в 1952 г., выпуски второго тома выходили в 1953—1954 гг., выпуски третьего тома — в 1954—1955 гг. Начиная с четвертого тома (1955 г.) время выхода томов совпадает с календарным годом. Каждый том имеет четыре выпуска (всего около 500 страниц). Сдвоенный 2—3 номер четвертого тома был посвящен 70-летию В. Энслива.